

— Монро всегда считалась секс-символом, но складывается впечатление, что саму ее секс не так уж и интересовал!

— Мэрилин была не из тех женщин, которые расчетливо пользуются своей репутацией. Главная проблема всей ее жизни заключалась в том, что она слишком быстро влюблялась и оказывалась в постели скорее от чистоты и наивности. Я думаю, попав во время войны в бомбоубежище с двадцатью мужчинами, Монро могла бы переспать с каждым из них. Но только из жалости — ведь это одинокие мужчины! Если бы я сказал ей: «Слушай, на улице ливень, я повздорил с женой. И вообще, не хочу идти домой...», то немедленно услышал бы в ответ: «Ну так спи у меня, я тебе чай приготовлю. Тебе удобно? Если кровать холодная, могу ее немного погреть... Если хочешь». Все это она делала из доброты, и никогда — из похоти.

— Мне кажется, в этой актрисе всегда была грустинка. Даже когда по сценарию ей полагалось смеяться и веселиться.

— Мэрилин так и не встретила человека, способного ее понять. Не умея общаться, как принято, она представляла собой странную смесь сочувствия, любви, одиночества и смятения.

— Может быть, именно это сочетание, а вовсе не сексапильность так очаровывало публику!

— В жизни она играла ласковую женщину, но при этом сумела сделать меня больным — и телесно, и духовно. У меня потом разыгрывались такие жуткие боли в спине. Она была, как...

— Геморрой!

— Сам бы я никогда не сформулировал, но это правда. Мэрилин

Журнал «Штерн»

Сов. молодежь. - Иркутск. - 1993 - 30 марта.

«ОНА СЛИШКОМ БЫСТРО ВЛЮБЛЯЛАСЬ...»

Голливудский режиссер Билли Уайлдер, снявший комедию «Некоторые любят погорячее» (в советском прокате — «В джазе только девушки») с Мэрилин Монро в главной роли, в интервью корреспонденту журнала «Штерн» рассказал о кинозвезде

была просто божеским наказанием. Она могла уехать из дома в семь утра и заявиться на студию после обеда. Где она пропадала, не знал даже Артур Миллер, ее муж. А Монро заявляла: «Прости, Билли, но я не могла найти дорогу!» А ведь на этой студии она снималась десять лет! Мэрилин могла блестяще сыграть с первого же раза самый сложный трехстраничный диалог, но буксовала на фразе: «Где коньяк?» Мы снимали тридцать, сорок, пятьдесят дублей, а когда ничего не вышло в шестидесятый раз, актриса внезапно зарыдала. Я ей говорю нежно так, мягко: «Мэрилин, милая, ну не расстраивайся ты так...» А она: «Из-за чего?» И смотрит совершенно непонимающе. На нее ни в чем нельзя было полагаться из-за непредсказуемости. Но настоящий талант, профессиональное чутье скрыть трудно: несмотря на свою

наивность, Монро всегда точно знала, хороша или плоха та или иная сцена для нее лично и для картины в целом. Когда мы снимали «Некоторые любят погорячее», и актрисе предстояло впервые появиться на экране вместе с Леммоном и Кертисом, — она мне сказала: «Билли, просто идти по перрону не годится, никакого впечатления!» Мэрилин была права. Я не спал всю ночь, но утром первыми в кадре появились клубы паровозного дыма. За ними — вихляющийся зад Монро. Мэрилин была счастлива, да и я тоже: таким образом актриса лучше всего вводилась в фильм. А поскольку она была звездой, то как выглядели Леммон и Кертис, становилось безразлично.